

Российско-французская летняя школа «Автобиографические практики в культурном контексте»¹

Школа проведена в селе Ошта (историческое название — Оштинский погост) Вытегорского района Вологодской области с 7 по 12 июля 2008 г. на базе ежегодной Этнологической экспедиции Российско-французского центра исторической антропологии им. М. Блока (Российский государственный гуманитарный университет) (далее — ЦМБ РГГУ).

В качестве организаторов выступили ЦМБ РГГУ, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН (далее — ИМЛИ), Центр по изучению писем и дневников XIX–XX вв. (UMR 6563) при Национальном центре научных исследований Франции.

В работе Школы приняли участие историки и филологи из Москвы (РГГУ, ИМЛИ, Государственный университет — Высшая школа экономики, Государственный республиканский центр русского фольклора) и Парижа, а также ученые из Петрозаводска и представители местной интеллигенции.

Андрей Львович Топорков

Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН /
Российский государственный
гуманитарный университет,
Москва
atoporkov@mail.ru

¹ Школа проведена при финансовой поддержке РФНФ (грант № 08-04-00318а) и фонда Г. Форда (грант № 16915335).

Слушатели (студенты, магистранты и аспиранты РГГУ) не только выслушали лекции и приняли участие в семинарах, но и поделились собственным опытом исследовательской и собирательской практики. Проблема автобиографического нарратива позволила синтезировать достижения разных научных дисциплин (истории, филологии, социологии, культурной антропологии) и сблизить практику полевой (собирательской) работы с новейшими теориями гуманитарного знания (биографический метод, нарратология).

Школу открыл А.Л. Топорков (РГГУ/ИМЛИ). В своем вступительном слове он предложил исходить из понимания автобиографии как рассказа человека о себе, своей жизни, преимущественно в письменной форме, в виде связного повествования. Автобиография может иметь документальный и художественный характер; рассказ о себе может быть добровольным, вынужденным, добровольно-обязательным (исповедь). В любом случае автобиография предстает как поле для игры с реальностью, совмещает в себе черты fiction и документа. Автобиографические практики понимаются, во-первых, как деятельность по созданию автобиографических текстов; во-вторых, как деятельность по созданию самой автобиографии (жизнетворчество, конструирование индивидуальной мифологии).

Ю.П. Зарецкий (Высшая школа экономики) прочитал лекцию «Древнерусские автобиографические свидетельства: Тексты и интерпретации». В лекции были представлены шесть древнерусских текстов, которые обычно обозначаются исследователями как «автобиографии»: «Поучение» Владимира Мономаха (1053–1125), Первое послание Андрею Курбскому Ивана Грозного (1530–1584), «Повесть о житии» Мартирия Зеленецкого (?–1603), «Сказание об Анзерском ските» Елеазара Анзерского (?–1656), Житие Епифания (?–1682) и Житие Аввакума (1620 или 1621–1682). Исследователь рассмотрел историю изучения древнерусской «автобиографии» с середины XX в. по настоящее время, проанализировал основные подходы к автобиографическим свидетельствам: литературоведческий, источниковедческий, текстологический, историко-культурный. В заключение он предложил новую интерпретацию древнерусских автобиографических свидетельств, основанную на переосмыслении ряда традиционных понятий гуманитарных наук («автобиография», «автор», «субъективность», «источник», «историческая истина» и др.).

Е.Б. Смилянская (РГГУ) выступила с лекцией «Устный нарратив как источник для изучения индивидуального религиозного опыта». По ее мнению, при всем своеобразии и несходстве с книжной православной догматикой система религиозных

воззрений и картина мира многих наших современников позволяет говорить еще о *живой христианской традиции*. Труднее всего осмыслить эти религиозные воззрения в сложной системе взаимосвязей, не ища в них следы только архаичных верований, не именуя «двоеверием» или «инакововерием», отдавая себе отчет в том, что *каждая личность* несет в себе и оригинальный образ «народного христианства», и своеобразие индивидуального религиозного опыта. В лекции была рассмотрена специфика индивидуального религиозного опыта и религиозного опыта локального сообщества на материале полевых записей, сделанных в старообрядческих поселениях Верхотурья (в Удмуртии) в 1980-е — 1990-е гг. Е.Б. Смилянская продемонстрировала, как «устный нарратив» может стать важным источником, помогая экспериментально проверить гипотезы относительно различий в «ученом» и «народном» восприятии текста, проследить механизмы влияния на религиозное мировоззрение и повседневный быт как канонического христианского устава, так и устной традиции.

А.Л. Топорков (РГГУ/ИМЛИ) прочитал доклад «Биография и автобиографический нарратив (Случай Ивана Тревогина)». Уникальный материал для изучения автобиографических практик дает корпус сочинений малоизвестного, но чрезвычайно одаренного писателя и сочинителя утопических проектов Ивана Ивановича Тревогина (1761—1790). Основные материалы об И.И. Тревогине собраны в его следственном деле, сохранившемся в РГАДА [Госархив. Р. 7. Д. 2631]. После неудачной попытки издавать журнал в Петербурге И.И. Тревогин бежал из России в Голландию, а потом во Францию. За несколько месяцев своего пребывания в Париже он сумел написать ряд утопических проектов и литературных произведений. Когда волею судеб Тревогин оказался в Бастилии, он написал на французском языке автобиографию от имени восточного принца, за которого он некоторое время пытался себя выдавать. Отправленный в Россию, Тревогин написал в Петропавловской крепости автобиографию на русском языке, на этот раз приближенную к реальности. Все эти сочинения вышли из-под пера чрезвычайно одаренного автора и представляют собой блестящие образцы художественной прозы. Дополнительную привлекательность придают им сложные взаимоотношения между «правдой» и «вымыслом», бытовым поведением и литературным творчеством.

Г.И. Кабакова (Университет Париж IV — Сорбонна) предложила вниманию слушателей лекцию «Свои и чужие в народной Библии Европы: этиологические легенды о происхождении народов». Г.И. Кабакова проанализировала ту небольшую

часть европейского корпуса этиологических легенд, которая призвана объяснить происхождение особенностей национального характера, образа жизни, языка, одежды, календаря и т.д. Г.И. Кабакова выделила четыре основные темы, вокруг которых строятся легенды: творец (Бог и/или черт) и условия творения, инцидент, случившийся после создания народа, вредительство по отношению к Богу или собственной семье, испытание выбором. Основная масса европейских этиологических текстов посвящена происхождению «чужого», который предстает как средоточие недостатков; свой народ, напротив, выступает как носитель нормы. Чувство глубокого самоудовлетворения соседствует в этих легендах с жалобами на несчастливую историческую судьбу, которая трактуется как следствие произвола и случайности. Единственным исключением выступает цыганская традиция, которая склонна объяснять несчастья своего народа проступками первопредков.

А.А. Петрова (Государственный республиканский центр русского фольклора) выступила с лекцией «Война в памяти русских крестьян (устные автобиографии жителей оккупированных районов Калужской и Смоленских областей)». Исследовательница представила публикацию фольклорных материалов, подготовленную Л.Ф. Миронихиной. Двадцать три женских и один мужской текст сборника отнесены к жанру «устной автобиографии». К особенностям данных текстов относятся следующие. Во-первых, безусловная сюжетность: воспоминания о собственной жизни и войне выстраиваются не описательно, но драматургично, что позволило собирателю и редактору подготовить указатель мотивов. Во-вторых, неоднозначный образ немца, «образ врага», раскрываемый в рассказах как отрицательный («звери»), нейтральный («тоже люди»), положительный («добрые», «свои» немцы), комический и др. В-третьих, полижанровость (гипертекстуальность): рассказы включают частушки, наивные стихи, переделки песен («Выходила на берег Катюша, а за нею немец молодой»), пересказ родительских историй о Первой мировой, цитирование советских поэтов. Тексты записывались (многие как ответы на вопрос) и обрабатывались собирателем (восстанавливалась хронология событий и т.п.), что, конечно, хотя и несколько проблематизирует «установку на подлинность» (Л.Я. Гинзбург), но вместе с тем делает сборник доступным заинтересованному кругу читателей: историкам, филологам, фольклористам, антропологам.

Ю.В. Ткаченко (РГГУ) посвятила свое выступление теме «От автобиографии к *curriculum vitae*: формуляр и самоидентификация». Автобиографические документы, создание которых связано с процессом оформления на работу в госучреждение,

с поиском работы в условиях рынка или соисканием стипендий, грантов и ученых званий, представляют собой интересный материал для изучения особенностей самоидентификации индивида, в том числе в сравнительно-историческом плане. Отнесение этих документов к автобиографическому жанру кажется вполне оправданным; с точки зрения определения признаков автобиографии, предложенного французским исследователем Ф. Леженом, в них присутствуют все три составляющих автобиографического «я»: автор, нарратор и главное действующее лицо. Структурные особенности этих документов также позволяют говорить о том, что как автобиографии советского времени, так и современные CV — это сжатые жизнеописания, приспособленные для решения стоящих перед автором задач и отражающие, с одной стороны, требования, инициируемые эпохой и обществом, а с другой — персональные стратегии индивида, стремящегося позиционировать себя в окружающем социуме. При очевидном различии рассматриваемых практик они имеют между собой то общее, что в обоих случаях человек создает собственный идеализированный образ. Однако если для автора советской и постсоветской автобиографии процесс написания его текста — это прежде всего ретроспекция, то для автора резюме новейшего времени — это напряженная интроспекция, причем развернутая в будущее. И в этом смысле можно даже утверждать, что в современных условиях не резюме делается «под человека», а человек делает себя под свой CV.

А.Ф. Строев (Университет Париж III — Новая Сорбонна) прочитал лекцию на тему «Миф об амазонках во Франции и России XVIII в. и автобиографии шевалье д'Эона». Он отметил, что традиционно миф об амазонках служит для описания неведомой страны, будь то Балканы, Причерноморье, Индия или Америка. Во Франции XVII—XVIII вв. его используют как для насмешек над набирающим силу феминизмом, так и для прославления королей. Литература, театр и живопись создают новый вариант античного мифа, включающий темы восстания женщин, захвата ими власти, принципиально новой организации государства и завоевания других стран. В России в царствование Екатерины II миф об амазонках, разрабатываемый русскими и французскими писателями, становится частью государственной политики. Он оправдывает завоевание Крыма, превращает русско-турецкие войны в крестовый поход во имя веротерпимости и освобождения восточных женщин, он обосновывает реформы внутри страны и консолидирует образ императрицы. Шевалье д'Эон, после нескольких лет, проведенных в России в качестве секретаря посольства в конце 1750-х гг., использует позднее этот миф для построения своего собственного образа в качестве дра-

гуна-девицы и ученой дамы. Он становится травестийным двойником Екатерины II. Одни и те же писатели и поэты (Вольтер, Дора) прославляют их обеих. Травести оказывается воплощением современной женщины, служит знаменем нового феминизма. В многочисленных вариантах своей автобиографии, печатных и рукописных, шевалье д'Эон описывает свою судьбу как духовное призвание: защитить права женщин, освободить их от тирании мужчин. Он предстает как христианская амазонка и как амазонка Революции.

К.К. Логинов (Петрозаводск, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН) выступил на тему «З.Г. Паншина — знаменитая ведунья из Карелии». Он сосредоточился главным образом на рассказах З.Г. Паншиной о том, как она приобрела сакральное знание.

А.С. Якобидзе-Гитман (выпускник магистратуры РГГУ) в докладе «Социальная ситуация в Оштинском погосте» поделился результатами своих полевых разысканий. По его словам, руины производственных зданий оштинского колхоза «Большевик» производят впечатление жертвы давней бомбежки. Однако еще в 2000 г. они были в целостности и сохранности. Колхоз, несомненно, был главным «локомотивом» всего села, и его развал привел к резкому ухудшению социальной ситуации в деревне. Сегодня жители Ошты работают преимущественно в соседних городах посменным и вахтенным методом. Неплохой доход приносит собирательство. Молодежь, оставшаяся в селе, живет в основном поденной работой («халтурой»). В итоге она нарабатывает катастрофически маленький трудовой стаж и стремится уехать в города.

Т.С. Ильина (аспирантка ЦМБ) сделала доклад на тему «Особенности женских автобиографических нарративов». Она отметила (вслед за Е.Ю. Мещеркиной) три наиболее характерных отличия женских рассказов о себе. Во-первых, женские нарративы отличает больший удельный вес частной жизни, которая присутствует в упоминании факта замужества, рождения детей, отношений внутри семьи. У мужчин эта тема сведена к минимуму, они стремятся представить себя с точки зрения полученного образования и профессионального пути. По жанру мужские автобиографии скорее напоминают анкетные данные. Во-вторых, женская биография предполагает отсутствие мобильности, встроенность в семейные связи. В-третьих, женщины, объясняя свою жизнь, обычно говорят об «обстоятельствах», не решаясь квалифицировать собственную биографическую активность как целенаправленное поведение. Мужчина в оценке жизненного пути менее склонен зависеть от обстоятельств и чаще приписывает управление им себе лично.

Эти особенности прослеживаются на материале автобиографических рассказов двух современных женщин. Одна из них — практикующая знахарка В.А. Куроптева (1928 г.р.), постоянно живущая в деревне (Пудожский р-н, Карелия), другая — православная активистка В.А. Анхимкова (1931 г.р.), проживающая в Петрозаводске и приезжающая в деревню на лето. Их биографические нарративы строятся по разному принципу. Рассказы В.А. Куроптевой сконцентрированы вокруг дома, семьи. В них большую роль играют родственные отношения. Это позволяет рассматривать рассказы В.А. Куроптевой в контексте женских автобиографий. Автобиографические нарративы В.А. Анхимковой сосредоточены на ее профессиональной деятельности, в них больше особенностей, характерных для мужских рассказов.

М.С. Глошкина (выпускница РГГУ) рассказала об особенностях крестьянских биографических рассказов о детстве. Для респондентов 1920–1930-х годов рождения характерно акцентирование внимания на повседневности, многократных событиях, а не единичных. В воспоминаниях много мемуарного материала, т.е. повествований в третьем лице. Даже если рассказывается об индивидуальном жизненном событии, это часто стандартные сюжеты, сформировавшиеся под влиянием различных «формуляров». Сама структура нарратива также часто похожа на начало подробной анкетной автобиографии. В рассказах о детстве 1920–1940-х гг. больше говорится об опыте, общем для людей разного возраста (домашнее хозяйство, пища и др.), специфически детский опыт вспоминается только после вопросов интервьюера. Для рассказов тех, чье детство пришлось на 1950–1960-е гг., характерно большее разнообразие сюжетов. Информанты чаще говорят об однократных событиях индивидуального жизненного опыта. Отличительной чертой этих воспоминаний является также то, что в них больше присутствует специфически детский опыт (игры, учеба в школе и др.).

Т.А. Кузнецова (аспирантка РГГУ) сделала доклад на тему «Перспективы видеофиксации автобиографических нарративов». По ее наблюдениям, создание автобиографии при помощи видеоматериалов — такой же неоднозначный процесс, как создание ее на основе устных или письменных свидетельств. Мы имеем дело во всех этих случаях с набором отдельных автобиографических нарративов, которые сами выстраиваем в автобиографию. В рамках экспедиции видеофиксация автобиографических нарративов ведется в течение пяти лет, с 2004 г. За это время участники экспедиции выработали ряд вопросов, без ответов на которые не приступают к съемкам. Во-первых, «что

мы снимаем?», во-вторых, «зачем мы снимаем?». Что дает такой способ фиксации автобиографических нарративов? Во-первых, в область исследуемого пространства включаются не только информант и исследователь, но и все люди, которые смотрят этот видеоматериал, тем самым усиливается эффект присутствия. Во-вторых, при помощи видео восстанавливаются условия и пространство, в котором был порожден текст, приобретаются теряемые при аудиозаписи обстоятельства создания этого источника (например, точно можно сказать, в какое время суток происходил разговор, какая была погода, какое настроение информанта и т.д.). И самое главное — можно с уверенностью говорить об участии в создании текста второго автора, задающего вопросы, и выявить степень его влияния.

Е.В. Публичук (выпускница РГГУ) предложила свои соображения на тему «Знахарь и колдун: два образа, два биографических канона». Под автобиографиями магических специалистов понимаются такие рассказы знахарей и колдунов о самих себе, которые они преподносят своим соседям, односельчанам или посетившим их этнографам. Посредством таких рассказов магический специалист конструирует свой желаемый образ. Отличительной чертой автобиографии магического специалиста является то, что она сочетает в себе повествование об обыденной жизни человека и его жизненном пути (рассказ о детстве, создании семьи, работе в деревне или в городе и т.д.) и эпизоды, связанные с его сверхъестественным знанием и магической практикой. Рассказывая о себе, магический специалист подчеркивает свое отличие от простых людей и от других магических специалистов. В соответствии с этим знахарь и колдун уделяют в своих рассказах особое внимание моменту получения магического знания, случаям удачных исцелений, проявлениям уважения со стороны односельчан и приезжих.

А.Г. Айдакова (студентка РГГУ) рассказала об изменении отношения к смерти в России в 1914–1921 гг. по дневникам и воспоминаниям москвичей и петербуржцев. Согласно наблюдениям А.Г. Айдаковой, к началу XX в. в мировоззрении москвичей и петербуржцев сложилось четкое представление о духовной значимости и социальном статусе смерти; к переходу в иной мир относились с уважением, смерть сопровождалась определенными религиозными обрядами и имела сакральный характер. После 1917 г. происходят существенные изменения в представлениях людей о смерти; отношение к чужой, а иногда и к собственной жизни претерпевает десакрализацию, а вслед за этим появляется полное пренебрежение к смерти.

А.А. Соловьева (выпускница РГГУ) сделала доклад на тему «Легендарные биографии монгольских шаманов». В традици-

онной культуре конструирование собственных автобиографий характерно для людей «публичных», разнообразных магических специалистов (знахаря или ламы, шамана, узмерча) и тех, чья деятельность связана с представлением о «получении» способностей как «дара» (например, сказителя). В подобных случаях автобиография включает, помимо биографических данных и реалистических вымыслов, множество фольклорных элементов и мифологем, нередко бытующих в традиции как устойчивые формы. В монгольской традиции наиболее ярким примером подобных мифологических автобиографий могут служить шаманские автобиографические нарративы (привлечены материалы халхасцев, дархат и бурят, использованы материалы исследователей конца XIX — начала XX в., современные полевые записи и издания). Традиция шаманских мифологических автобиографий трансформируется во времени. Так, реалии 20–30-х гг. XX в. (борьба «с суевериями» и репрессии, которым подвергались шаманы) породили новые мотивы о своеобразной шаманской мести властям (бубен сильного шамана, конфискованный и помещенный в местный краеведческий музей, через некоторое время «самовоспламенялся» и сжигал все здание, а то и деревню).

В современной культуре традиция шаманской мифологической автобиографии выходит за рамки традиционного круга потомственных специалистов. Она начинает использоваться (часто как форма легитимации, повышения статуса, создания мистического ареола) все более широким кругом лиц — от магических специалистов современной культуры, чьи связи с традицией имеют сложный характер (в качестве одного из примеров рассмотрена автобиография шаманки Саралгэрэл — американской бурятки, предки которой покинули Бурятию в 1917 г.), до деятелей искусства (автобиографические записи и интервью современного бурятского скульптора Даши Намдакова).

В рамках Школы была проведена встреча с З.В. Кошечко (в прошлом — главным экономистом колхоза «Большевик»). З.В. Кошечко поделилась своими воспоминаниями о пребывании в финском плену в период Великой Отечественной войны и соображениями о социально-экономической ситуации в Оштинском погосте.

Работа Школы завершилась круглым столом «Автобиографические практики и автобиографические тексты в гуманитарных науках», где состоялся оживленный обмен мнениями по заслушанным докладам.

Андрей Топорков